

Поэтому системная аналитическая реконструкция изучаемой цивилизационной модели, элементы которой содержатся в текстах сибирских литерато-

ров, возможно, позволит выявить аксиологические и иные координаты органического, идущего снизу ответа на цивилизационный вызов страны.

Список использованной литературы

1. Языковые стратегии русской драматургии (введение в экографию): коллективная монография / Под ред. С.А. Комарова. – Тюмень : Изд-во Тюменского гос. ун-та, 2013. – 327 с.
2. Комаров, С.А., Лагунова, О.К. Введение в экографию: феномен живого чувства в русской лирике XIX века / С.А. Комаров, О.К. Лагунова // Вестник ТюмГУ. – 2012. – № 1. – С. 49 – 54.
3. Комаров, С.А., Лагунова, О.К. В.Г. Распутин – экограф («Откуда есть-пошли мои книги») / С.А. Комаров, О.К. Лагунова // Время и творчество Константина Распутина: история, контекст, перспективы. – Иркутск : Изд-во ИГУ, 2012. – С. 90–96.

А.И. Куляпин
г. Барнаул, Россия

ДЕФОРМАЦИЯ ИНТИМНОГО ПРОСТРАНСТВА ДОМА В РАССКАЗЕ В.М. ШУКШИНА «СВЕТЛЫЕ ДУШИ»

Материалы подготовлены по результатам научного проекта, поддержанного РФФИ, № 18-412-220004 «Алтай в отечественной литературе XX–XXI вв.: культурно-туристический потенциал».

Аннотация: В статье рассматривается специфика художественного пространства рассказа В.М. Шукшина «Светлые души». Отмечается, что на раннем этапе творчества писатель испытал заметное влияние соцреалистического искусства. Наряду с прозрачными отсылками к произведениям советских классиков в тексте появляются гоголевские мотивы и образы. Автор «Светлых душ» пытается приспособить классические символы к советской системе ценностей. Своеобразие поэтики рассказа заключается в том, что советские идеологемы вторгаются в интимное пространство персонажей.

Ключевые слова: поэтика, мотив, художественное пространство, социалистический реализм.

A.I. Kulyapin
Barnaul, Russia

DEFORMATION OF THE INTIMATE HOUSE SPACE IN THE STORY “BRIGHT SOULS” OF V.M. SHUKSHIN

Abstract: The article deals with the specifics of the artistic space of V.M. Shukshin’s story «Bright souls». It is noted that at an early stage of creativity the writer experienced a noticeable influence of socialist realist art. Along with transparent references to the works of Soviet classics, Gogol’s motifs and images appear in the text. The author of “Bright souls” tries to adapt classical symbols to the Soviet system of values. The peculiarity of the story’s poetics lies in the fact that Soviet ideologemes invade the intimate space of the characters.

Keywords: poetics, motif, artistic space, socialist realism.

Рассказ Шукшина «Светлые души» был написан в 1959 г., но опубликован только в 1961 г. в журнале «Октябрь» (№ 3). Позже Шукшин включил его в свою первую книгу

«Сельские жители» (1963), однако в дальнейшие прижизненные сборники писателя этот рассказ не входил. Зрелый Шукшин недвусмысленно дистанцируется от своих ранних опытов.

Ранние рассказы Шукшина, такие как «Двое на телеге», «Правда», «Коленчатые валы», «Леля Селезнева с факультета журналистики» создавались в соответствии с канонами социалистического реализма. К этой группе можно отнести и рассказ «Светлые души», хотя нельзя не заметить, что от названных выше его отличает большая концептуальная сложность. Названия со словом «свет» и его производными были среди наиболее частотных и популярных в искусстве сталинской эпохи (фильм Г. Александра «Светлый путь», роман С. П. Бабаевского «Свет над землей», повесть Г. Ф. Кунгурова «Свет не погас» и т. п.). Шукшин воспроизводит ту же модель заглавия.

Наряду с соцреалистическим название рассказа актуализирует еще и гоголевский контекст: «светлые души» Шукшина полемически соотносены с «мертвыми душами» Гоголя, а в более широком контексте – и с религиозными мотивами.

Автор «Светлых душ» явно пытается приспособить классические символы к советской системе ценностей. Он, в частности, редуцирует религиозно-мистический аспект образа ревизора, столь характерный для Гоголя. В комедии Гоголя ревизор – это «воплощенный рок, совесть человеческая, правосудие божеское» [4, с. 224–225]. У Шукшина мотив ревизии в известной степени сохраняет оттенок необычности. Так, ревизия почему-то проводится ночью. «Всю ночь сидели. А утром нашего Ганю прямо из магазина да в КПЗ», – рассказывает мужу Анна [5, с. 74]. Тем не менее, шукшинский ревизор – это не посланец некоей высшей силы, а всего лишь представитель контролирующей организации, призванный уличить обманщика и восстановить социальную справедливость.

Шукшинские герои неоднократно совершают религиозные по форме жесты, например, в финале рассказа Михайло опускается на колени, но отнюдь не ради молитвы: в этой неудобной позе он пьет квас.

Шукшин минимизирует религиозную составляющую образов-символов, параллельно апеллируя к авторитету классиков советской литературы. «В «Светлых душах» противоречия сглажены добродушным юмором в духе «Поднятой целины» М. Шолохова, – отмечает В.В. Десятов. – Михайло прямо цитирует шолоховского Щукаря, называя свою жену «акварелью». («Акварель» – это хорошая девка, так я соображаю, – поясняет дед Щукарь, – а «бордюр» – вовсе даже наоборот, это не что иное, как гулящая баба <...>») [2, с. 247].

Своеобразие поэтики «Светлых душ» заключается в том, что советские идеологемы вторгаются в

интимное пространство персонажей. Михайло как любой положительный герой социалистического реализма общественное ставит выше личного, но при этом все же поражает его полное невнимание к собственному дому и острота переживаний за всеобщее благосостояние. Вернувшись из дальнего рейса и даже не поздоровавшись с женой, герой принимается чинить машину. Запасной карбюратор он ищет под кроватью. Выслушав историю ареста проворовавшегося завмага Гани, Михайло проявляет трогательную заботу о сохранности народного добра – просит у жены старое одеяло: «в кузов постелить. Зерна много сыплется» [5, с. 74]. Одеяло – больше не атрибут семейного ложа, ему предстоит украсить любимый грузовик ЗИС. В свою очередь карбюратор вполне может оказаться под кроватью, в столь не подходящем для хранения запчастей месте.

«Побудь ты хозяином в доме!», – напрасно призывает мужа Анна [5, с. 72]. Михайло, что характерно, очень плохо ориентируется в домашнем пространстве. Отыскать любую вещь для него нешуточная проблема. Даже, чтобы напиться квасу ему приходится «долго возиться среди тазов и кадочек» [5, с. 76]. Зато, когда речь заходит о стране, он мыслить по-хозяйски: «Весь СССР прокормить – это... одна шестая часть» [5, с. 74].

П.А. Гончаров и Е.Л. Стрыгина вообще усмотрели в тексте рассказа «элемент мягкой пародии, что знаменовало собой начало дистанцирования от привычных в литературе стереотипов производственно-личной интриги» [1, с. 162]. Трудно сказать, было ли у автора «Светлых душ» сознательное намерение пародировать клише соцреализма, но зная дальнейший творческий путь Шукшина, такое предположение не кажется совсем уж безосновательным. Курьезна ревность Анны. «Ты ее не целуешь, случайно? – говорит она о машине мужа. – Ведь за мной в женихах так не ухаживал, как за ней, черт ее надавал, проклятую! <...> На одну ночь приедет и то норовит убежать! Я ее подожгу когда-нибудь, твою машину. Она дождетя у меня!» [5, с. 73, 75]. Еще более смехотворно оправдание Михайло: «– Я же не прижимаюсь к ней» [5, с. 73].

Надо, впрочем, учитывать, что для нашего современника многие образы и мотивы соцреалистического искусства выглядят комично. Показательна реакция западного читателя на советские романы тридцатых годов. «В сталинском романе любовь – это дополнительная часть сюжета, – замечает американская славистка К. Кларк. – Любовная жизнь героя

сама по себе ценности не представляет, она служит лишь выполнению стоящих перед ним задач и обретению сознательности. Не случайно в западном сознании традиционный сюжет советского романа описывается формулой: юноша овладел трактором. Это действие мало зависит от участия или неучастия в нем девушки. Овладение девушкой или овладение трактором – явление одного порядка, поскольку общественное задание всегда важнее личного» [3, с. 159]. Стоит только заменить трактор грузовиком, и высказывание К. Кларк может быть целиком отнесено к рассказу «Светлые души».

Несмотря на подражательность рассказа «Светлые души», в нем сквозь штампы соцреализма начинают уже пробиваться собственно шукшинские темы и конфликты. Принципиально важной для зрелого Шукшина будет оппозиция «мужское – женское». В одной из рабочих записей Шукшин заметил: «Эпоха великого наступления мещан. И в первых рядах этой страшной армии – женщины. Это грустно, но так» [6, с. 325].

Василиса Калугина и Зочка (жена завмага Гани) – всего лишь фоновые персонажи «Свет-

лых душ», обозначенные несколькими штрихами. Тем не менее, их с уверенностью можно отнести к авангарду «страшной армии» мещан. Василиса по явно завышенной цене продает поношенное плюшевое полупальто, в котором она ездила по воскресеньям на базар. Героиня втянута в частную торговлю, предосудительную с точки зрения настоящего советского человека. Портрет довершает характерная деталь: ходит она, «вихляясь без меры» [5, с. 72]. О Зочке читатель узнает только то, что она «последнее время в день по два раза переодевалась. Не знала, какое платье надеть. Как на пропасть!» [5, с. 74]. Но и этого достаточно, чтобы понять, насколько велика ее роль в преступлениях Гани.

Главная героиня рассказа Анна еще в незначительной степени, но уже поддается мещанскому влиянию. В «Светлых душах» Шукшина пока предпочитает не обострять коллизию, связанную с покупкой пальто. Однако позже в рассказах «Мой зять украл машину дров!» (1971) и «Ночь в бойлерной» (1974) писатель представит драматический вариант решения типологически сходного сюжета.

Список использованной литературы

1. Гончаров, П.А., Стрыгина, Е.Л. «Светлые души» В. Шукшина: от «производственной литературы» к «деревенской прозе» / П.А. Гончаров, Е.Л. Стрыгина // Интертекстуальность художественного дискурса. – Астрахань : Издательский дом «Астраханский университет», 2018. – С. 158–166.
2. Десятов, В.В., Куляпин, А.И., Сигов, В.К. «Светлые души» / В.В. Десятов, А.И. Куляпин, В.К. Сигов // Творчество В.М. Шукшина: энциклопедический словарь-справочник. – Барнаул : Изд-во Алт. ун-та, 1997. – Т. 3. – С. 246–248.
3. Кларк, К. Советский роман: история как ритуал / К. Кларк. – Екатеринбург : Изд-во Уральского ун-та, 2002. – 262 с.
4. Мережковский, Д.С. Гоголь и черт (Исследование) / Д.С. Мережковский // Мережковский Д.С. В тихом омуте: Статьи и исследования разных лет. – Москва : Советский писатель, 1991. – С. 213–309.
5. Шукшин, В.М. Светлые души / В.М. Шукшин // Шукшин В.М. Собрание сочинений: в 9-ти т. :- Барнаул : Изд. дом «Барнаул», 2014. – Т. 1. – С. 71–76.
6. Шукшин, В.М. Рабочие записи / В.М. Шукшин // Шукшин В.М. Собрание сочинений: в 9-ти т. :- Барнаул : Изд. дом «Барнаул», 2014. – Т. 8. – С. 310–328.

П.В. Маркина

г. Барнаул, Россия; г. Кайфен, Китай

ИМАГОЛОГИЧЕСКИЙ ДИСКУРС В ПРОИЗВЕДЕНИЯХ АНТОНА СОРОКИНА

Материалы подготовлены по результатам научного проекта, поддержанного РФФИ, № 16-14-22002 «Русская словесность на трансграничном пространстве России и Казахстана: процессы интеграции».

Аннотация: В статье рассматривается имагологический аспект в советских рассказах Антона Сорокина. Осмысливается выстроенная автором философско-эстетическая система